

Генри Лайон Олди

Страшный суд № 20

*Часть сборника
Тени моего города (сборник)*

Тени моего города

Генри Олди

Страшный суд № 20

«Автор»

2010

Олди Г. Л.

Страшный суд № 20 / Г. Л. Олди — «Автор», 2010 — (Тени моего города)

«Поезд тронулся. Господи, это ведь сплошная банальность – отправление поезда! Перрон плывет за окном. Провожающие машут руками. Толстая мамаша бежит рядом с вагоном, давая дочке, уезжающей в Москву, финальные напутствия. Дочка, та еще фифа, трещит по мобильнику, кивая мамаше на манер китайского болванчика. Символическая сцена: материнские советы не слышны, стекло окна надежно защищает блудную дочь от мудрости прожитых лет...»

© Олди Г. Л., 2010

© Автор, 2010

Генри Лайон Олди Страшный суд № 20

*Бессмысленная, теплая печаль,
Часы стучат, как уходящий поезд,
Любите нас сегодня и сейчас,
Не потому, что завтра будет поздно,
А просто так.
Сегодня и сейчас.*

Поезд тронулся.

Господи, это ведь сплошная банальность – отправление поезда! Перрон плывет за окном. Провожающие машут руками. Толстая мамаша бежит рядом с вагоном, давая дочке, уезжающей в Москву, финальные напутствия. Дочка, та еще фифа, трещит по мобильнику, кивая мамаше на манер китайского болванчика. Символическая сцена: материнские советы не слышны, стекло окна надежно защищает блудную дочь от мудрости прожитых лет.

– Котик, я уже еду! Целую, котик, люблю, встречу меня с машиной...

На кой девчонке мудрость? Ей бы котика с машиной.

Народу мало. Часть купе пустует, в иных сидят по двое, по трое. Билеты дорогие? Не сезон? Здание вокзала уходит из поля зрения. Начинаются склоны, заваленные мусором, сортировки; снуют, плохо видимые в сумерках, бабы в оранжевых жилетах. Раскатились по путям круглыми апельсинчиками. Помнится, в юности я возил апельсины из Москвы. Там они были существенно дешевле. Э, нет, поправляю я себя, там они просто *были*. Оказавшись в столице моей родины, я затаривался апельсинами, бананами, «Майкопской» колбасой (одиннадцать рублей сорок пять копеек за килограмм), мороженой венгерской уткой, обернутой в целлофан, пластинками с Диззи Гиллеспи...

Нет уж.

Теперь я вернусь налегке, обремененный лишь подписанным контрактом.

В моем купе уже шустрит попутчик – лысый, подвижный коротышка. Не стесняясь чужих глаз, он раздевается до трусов – семейных, в горошек. Вешает костюм на плечики, пристраивает галстук – так, чтоб не помялось в дороге. И превращается в курортника – шорты до колен, гавайка на выпуск, тапочки-сланцы. Краем глаза слежу, как на столе объявляется бутылка коньяка, набор стопок в чехле, сыр, заранее порезанный ломтями, баночка маслин...

– По первой? – спрашивает лысый.

– Не рано ли? Только тронулись.

Лысый смеется, словно я отмочил бог весть какую шутку.

– Если тронулись, – булькает он, – тогда в самый раз.

На всякий случай улыбаюсь в ответ. В купе нас двое. Надеюсь, в Белгороде или Орле никто не подсядет. Меньше народу – больше кислорода. Еще одна шутка из тех, над которыми смеялись динозавры.

– Переодеваться будете? Я могу выйти.

– Спасибо, не надо. Я так, только туфли сниму.

– А я не умею так, – лысый покаянно разводит пухлыми ручками. – Привык, знаете ли, с комфортом.

– Часто ездите?

– Ой, часто! Рафаил Модестович, к вашим услугам. Можно просто – Рафа.

– Сергей.

– Приступим, Сереженька?

– Пусть хоть билеты сперва проверят...

Отмахиваясь от моих возражений, он вскрывает коньяк, плещет в металлические стопки. Движения лысого быстры и уверенны. Наверное, полжизни провел на колесах. Такие умеют устроиться где угодно – в поезде, в провинциальной гостинице, за столиком ресторана в захолустье... Мир принадлежит им.

– В командировку? – спрашиваю я.

– Ага.

– Снабженец? Администратор?

– Адвокат.

Рафаил Модестович улыбается и добавляет со значением:

– Ваш адвокат, Сереженька.

– Спасибо, не нуждаюсь.

– Это вам так кажется. Вы что думаете, это поезд?

Вызвать проводницу? Милицию? Выбежать из купе?

– Правильно думаете, Сереженька. Поезд, конечно, поезд. Состав номер двадцать.

Лысый наклоняется ко мне:

– А название поезда знаете?

– Знаю, – вздыхаю с облегчением, словно это случайное знание может послужить мне защитой от психа. – «Николай Конарев». Раньше состав назывался «Южанин».

Коньяк душист и сладковат на вкус.

– А вот и нет! – Рафаил Модестович счастлив. – «Николай Конарев» ушел на Москву без нас. Наш поезд называется «Страшный суд № 20». Еще по стопочке?

– Вы не адвокат, – говорю я. – Вы юморист.

– Еще какой! – хохочет лысый.

– Наливайте. Я сейчас вернусь.

– Далеко собрались, Сереженька? Имейте в виду, стоп-кран не сработает.

– В туалет. От ваших хохм и Железного Дровосека пронесет.

* * *

Туалет был занят.

Странно. Вагон новый, «крюковский»; в купе на табло, укрепленном над дверью, возле крошечных букв «WC» светились два зеленых огонька. Значит, свободно. И тем не менее... Я встал у окна. Мочевой пузырь взбунтовался. Молчал, гад, молчал, и вдруг приспичило. В сумерках, издеваясь над моей нуждой, мимо поезда летели смутные силуэты. Далеко-далеко мерцала россыпь огоньков. Их свет лишь добавлял теням плотности. Казалось, поезд стоит на месте, остолбенев от ужаса, а вокруг закручивается спиралью Дикая Охота. Не стук колес, а грохот копыт, не тряское движение – озноб страха...

Надо запомнить.

Щелкнул замок. Из туалета бочком выбрался коренастый мужик. На голову ниже меня, зато в плечах намного шире. Не стесняясь, мужик застегнул ширинку. Молния заела, ему пришлось два дернуть замок и немного попрыгать на месте.

– Здорово, Тюпа! – сказал мужик.

– Добрый вечер...

После школы никто не звал меня Тюпой. Я и забыл, как оно звучит.

– Не узнаешь?

– Извините, нет.

– Вадька я. Вадька Носов.

– Носов?

– Карлик Нос. Ну ты даешь, Тюпа...

Память смутно откликнулась. Маленький тихоня, сидел на задней парте. Говорил шепотом, с робостью. Временами наглед, чтобы хоть как-то укрепить статус. Увы, с наглостью у Вадьки были сложные отношения. Как у скверного актера с ролью.

– Вадик! – проникновенно сказал я. – Как я рад тебя видеть!

Дежурный ответ для таких встреч.

– Рад он, – буркнул мужик. – Видеть он. А кто меня в «трухалку» обул? На два рубля пятнадцать копеек? Радостный он, блин...

– Какую «трухалку»?

– Ну, «трясучку»...

Игру я вспомнил. Казино не было, обходились, чем могли. Двое пацанов скидывались по монетке, один зажимал деньги в ладонях – «раковинкой» – и начинал трясти. Второй говорил: «Стоп!» – и угадывал, орел или решка. Угадал – деньги твои. Прوماхнулся – деньги уплыли к «трясуну». Монетки легли вразнобой – трясем до победного конца.

– Вадя, ты чего? До сих пор злобу таишь?

Мужик набычился, зыркнул из-под бровей:

– Я все знаю, Тюпа. Теперь я все знаю, – он так выделил слово «теперь», что по спине у меня побежали мурашки. – Ты, гад, мою монетку в ладони зажимал. Решкой вверх. Если я говорил «орел» – у тебя шансов больше было.

– А если ты говорил «решка»?

– Ты тогда ладони переворачивал. И монетку заодно. Сволочь ты, Тюпа. Два рубля пятнадцать копеек... Ты на них сигарет купил. «Родопи». И Дикашу угощал, чтобы он за тебя вступался, если что. Я помню, я *теперь* все помню...

Еще минута, понял я, и напружу в штаны.

– Извини, Вадя. По молодости, по глупости... Помнишь, я тебя яблоками угощал?

– Угощал он. Ты яблок терпеть не мог. А бабушка тебе в портфель вечно яблочко сует...

Баринот хотел выглядеть? Бедного Карлика Носа подкармливал? Я-то по монетке копил, ничего не покупал – все мечтал у тебя рубль выиграть...

– Ну прости меня, подлеца! Хочешь, я тебе коньячка поставлю? На те два пятнадцать хорошие проценты выросли!

– Не хочу.

– Столько лет сердишься?

Мужик вдруг поднял голову:

– Нет, Тюпа. Больше не сержусь.

– Ну и ладушки. Может, все-таки коньячок?

– Вот уже три месяца и шесть дней как не сержусь...

Он шагнул вперед и изо всех сил ударил меня кулаком в живот.

Как я не обмочился, не знаю. Под ложечкой полыхнула сверхновая. В глотку забили тугой кляп, воздух из тамбура выкачали дьявольской помпой. Я давился, тщетно пытаюсь вдохнуть. Слезы текли из глаз. Согнувшись в три погибели – в пять! шесть! десять погибелей! – я беззвучно проклинал Вадьку, школу, детство, собственную тупую хитрость, о которой и думать забыл. Вот сейчас Карлик Нос добавит мне по заливку, и буду я валяться на казенном полу, смешной и жалкий...

Нет, Вадим Носов не стал добивать Тюпу. Вместо этого он, хихикнув с отчетливо садистской интонацией, вернулся обратно в туалет и закрыл за собой дверь. Плохо понимая, что делаю, я вцепился в ручку, рванул на себя, не давая Вадьке запереться – хрипящий, плачущий, полумертвый, какой угодно, я буду рвать его зубами, бить головой об унитаз, или, получив вторую плюху, лягу трупом на резиновый коврик...

В туалете никого не было.

Мотая головой, я присел на край унитаза. Дыхалка мало-помалу восстанавливалась. Наверное, синяк будет. Сволочь Вадька, как засадил... Думать о том, куда он делся, не хотелось. Ой, как не хотелось об этом думать! Встав, я облегчился, кряхтя и охая. Умылся холодной водой, остервенело дергая «пиптик» крана. Вытер руки туалетной бумагой – рулончик ее притулился в жестяном боксе. И увидел газету. Свернутая в мятую трубку, сложенная пополам, газета лежала на полочке для мыла. Текст с краю кто-то взял в рамочку, обведя красным фломастером. Жирная линия походила на кровь, вытекшую из разбитого носа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.